

УДК 94(73).02

Борисов А.С.

(г. Архангельск)

РАННИЕ «ИСТОРИИ» ВИРГИНИИ И НОВОЙ АНГЛИИ ОБ
ОТНОШЕНИЯХ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ И
МЕТРОПОЛИИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые черты развития общественной мысли в североамериканских колониях Великобритании конца XVII–начале XVIII вв. Становление колониального общества сопровождалось ростом интереса к собственному прошлому. На основе различных его интерпретаций в ранних американских исторических сочинениях исследуется восприятие метрополии интеллектуальными элитами Виргинии и Массачусетса, а также их стремление сохранить или реорганизовать отношения с центральными властями на выгодных для себя условиях.

Ключевые слова: общественная мысль, историческое знание, колониальный период истории США, колонии, метрополия.

A.Borisov

(Arkhangelsk)

EARLY «HISTORIES» OF VIRGINIA AND NEW ENGLAND
ON THE RELATIONS OF NORTH AMERICAN COLONIES AND
PARENT STATE AT THE END OF XVII – BEGINNING XVIII CENTURIES

Abstract. The article examines some trends in the evolution of public thought in North American colonies of Great Britain of late 17th – early 18th cc. The development of colonial society caused Americans' growing interest to learning their own history. The author studies the perception of the center of the Empire by political and intellectual elites of Virginia and Massachusetts. Besides, their attempts to save or rearrange relationships with central government are studied through different interpretations of the past in early American historical tracts.

Key words: public thought, historical knowledge, colonial period of the US history, colonies, parent state.

В 1702 г. священник из Массачусетса Джон Хиггинсон отмечал, что на смену первому поколению переселенцев, отправившихся в Новый Свет «в среднем возрасте... и на склоне лет», пришли люди, покинувшие родину в детстве или родившиеся в колонии, а затем и те, кто имел

полное право называть Новую, а не «старую» Англию своей «родной землей» [8, с. 7-8]. Несмотря на различия в характере заселения Новой Англии и Виргинии, в последней происходил схожий процесс. Дж. Хиггинсон, таким образом, указал на закономерности, которые влекли за собой существенные перемены в жизни американцев.

Параллельно с «взрослением» общества менялась и система управления английскими владениями на западном побережье Атлантики. Последние короли из династии Стюартов, а затем правительство Вильгельма III проводили политику, направленную на интеграцию североамериканских территорий в торговую систему формирующейся империи. Если руководители и население Виргинии воспринимали эту политику относительно спокойно, даже благожелательно, то «вторжение» королевской администрации в дела Массачусетса в 1680–1690-х гг. сопровождалось драматическими событиями. Реорганизация отношений между местной элитой и властями метрополии на новых принципах привело к изменениям не только в структуре управления, налоговой и земельной политике, но и в системе ценностей пуритан [1].

Появление на свет нового поколения подданных английской короны, родившихся в Новом Свете и идентифицировавших себя с ним, а также перемены в общественной жизни под воздействием политики центрального правительства, создавали условия для переосмысления жителями колоний и, прежде всего, интеллектуальной элитой опыта, накопленного за прошедшие десятилетия. Необходимо было также понять, какое место занимали колонии в рамках Британской империи.

Рефлексия колониального общества, его стремление к самоидентификации в изменяющихся условиях могли проявиться в первых попытках американских историков-любителей описать прошлое колоний. В последней трети XVII–первой трети XVIII вв. появляются первые сочинения, посвященные основанию и заселению англичанами Североамериканского континента. Их авторами стали жители Массачусетса и Виргинии, старейших и наиболее развитых колоний. В отличие от первых трактатов, описывающих вновь открытые территории, эти труды были основаны на личном опыте авторов лишь в той части, что рассказывала о современных им событиях, если до этого вообще доходило дело. Для поиска информации о предыстории, основании и годах становления колоний исследователям приходилось обращаться к работам Ричарда Хаклюта, Джона Смита, Джорджа Мортон и других авторов. Если основание колоний было значительным событием и его описание участниками или хотя бы современниками событий имело очевидную ценность, то последующим авторам необходимо было

понять и объяснить читателю, для чего они обращаются к событиям прошлого.

В 1682 г. совет колонии Массачусетс пожаловал священнику из Ипсвича Уильяму Хаббарду 50 фунтов в знак благодарности за написание им «Общей истории Новой Англии от основания до 1680 года» [9]. Автор не только постарался свести воедино сведения по истории Массачусетса, Нового Плимута и отчасти Виргинии, оставленные его предшественниками, но и сопроводил их собственными комментариями и оценками. Это заметно в тех случаях, когда речь заходит об особенностях управления пуританских колоний. Преподобный У. Хаббард утверждал, например, что пилигримы, заключившие знаменитое соглашение на судне «Мэйфлауэр», отступили от дарованного ими патента вынужденно, мера эта была временной и не нарушала королевских указов [10, с. 62]. Описывая порядки Массачусетса, Хаббард настаивал на том, что эта корпорация вправе издавать свои законы, не противоречащие английским. В то же время она добровольно приняла на себя обязательства подчиняться законам королевства, которые признаны ее же членами «необходимыми для ведения нынешних дел» [10, с. 114].

Данное представление о взаимоотношении колонии и метрополии было распространено в Массачусетсе в XVII в. Примечательно, однако, что как раз в то время, когда Уильям Хаббард писал свою «Историю», английские власти принимали все более активные меры к тому, чтобы изменить это положение [1, с. 99-100]. В 1684 г. хартия Массачусетса была ликвидирована. Можно предположить, что трактат Хаббарда, в том числе, был одной из последних попыток религиозных лидеров колонии отстоять ее автономию, объясняя сложившуюся ситуацию естественным ходом вещей и настаивая на том, что такое положение не является угрозой для английской монархии. В то же время в нем явно прослеживается попытка оправдать и историю колонии как таковую, легитимировав тем самым достижения теократии.

Следуя этим идеям, Хаббард начинает историю Новой Англии с первых экспедиций европейцев, в том числе англичан, в Северную Америку, с попыток создания постоянных поселений и основания Виргинии. При этом существование пуританских колоний немислимо без существования Англии, ведь одной из целей создания каждой колонии было «прославление английской нации» [10, с. 9]. С этим, возможно, связано и лояльное отношение историка к династии Стюартов: упоминания монарших особ он сопровождает устойчивыми формулами «славное правление», «благословенной и славной памяти». «Благословенной» была даже память о Карле I [10, с. 13].

Представление жителей Новой Англии об особом месте, которое их колония занимала как среди других английских владений, так и в истории человечества, было связано с идеей выполнения отцами-пилигримами и их преемниками религиозной миссии. Исследователи литературного творчества пуритан отмечали особое отношение к истории, выражавшееся, в частности, в разрыве с европейским прошлым [2, с. 128]. История Новой Англии в изложении Хаббарда уходит корнями в европейскую историю, но развитие пуританских колоний противопоставляется развитию как государств Старого Света, так и других поселений в Америке. Пуританам предстояло довести до конца дело Реформации, испытывавшее множество трудностей в Европе. Именно чувство долга, стремление создать прочные сообщества на продолжительный срок стало, по мнению автора, причиной успешного существования колоний. Попытки же создать поселения с целью получения прибыли не увенчались успехом [10, с. 36-37, 72, 102-104]¹.

История Новой Англии в первой половине XVII в. не была лишена конфликтов. Так, в 1630–1632 гг. происходили волнения в городе Уотертаун. Сначала местный священник Ричард Браун пытался оправдывать в глазах соотечественников Римскую церковь, затем жители выступали против несогласованного с ними повышения сборов. Описывая эти ситуации, Хаббард попытался объяснить их стечением частных обстоятельств. В первом случае указывалось на особенности темперамента Брауна, во втором – на политические заблуждения недовольных. Оба конфликта были разрешены достаточно быстро и не привели к серьезным последствиям [10, с. 142-144].

Гораздо больше внимания У. Хаббард уделяет действиям «чужаков» на землях Новой Англии, что отражает острую реакцию первых руководителей Массачусетса и Нового Плимута на вмешательство извне. Деятельность их давних оппонентов Томаса Мортон и Кристофера Гардинера представлена как результат заговора против колоний других претендентов на занятые пуританами земли [10, с. 137, 150]. Местные власти предпочитали разрешать эти конфликты при участии метрополии: и Мортон, и Гардинер были отправлены для дальнейшего разбирательства на родину. Автор «Общей истории» при этом подчеркивает, что оба «преступника» проявляли «злой умысел» и доставляли неприятности не только колонистам, но и английским властям [10, с. 141]. К тому же К. Гардинер оказался католиком, и это делало его врагом также реформированной церкви Англии. Нелояльность по отношению к мес-

¹ Так, по мнению У. Хаббарда, произошло с поселениями, основанными в Новой Англии Дж. Попэмом (1607), Т. Уэстоном (1622) и Р. Уолластоном (1625).

тным нормам поведения связывалась с нелояльностью по отношению законам всего государства.

Новая Англия в труде У. Хаббарда представляла лояльной частью владений английской монархии. Ее население признавало действие английских законов, лидеры колонии высказывали по отношению к Карлу I и его наследникам уважение и преданность. Некоторое негативное отношение к развитию религиозной жизни Англии при доминировании официальной церкви вписывалось в контекст проблем Реформации во всей Европе. Угрозы для колонии, по мнению автора, исходили не от властей метрополии, а от некоторых недоброжелателей, проживавших в Старом Свете, авантюристов, не разделявших моральные ценности пуритан, от папского Рима и козней сатаны. И наоборот, существование колоний в нынешнем виде не несло в себе никакой угрозы для английского правительства.

Как уже было сказано выше, несмотря на попытки пуритан защитить особое положение Массачусетса, его хартия была ликвидирована. Последовавшие за этим политические изменения, происходившие параллельно со Славной революцией в Англии, привели к ликвидации т. н. теократических режимов. На этом фоне, в 1702 г. один из идейных лидеров Массачусетса Коттон Мэзер опубликовал трактат «*Magnalia Christi Americana*, или церковная история Новой Англии». В предисловии к изданию Дж. Хиггинсон привел ряд доводов в пользу создания этого труда. В частности, он указал на важность сохранения знания об истории колонии для современников и последующих поколений, прославления имен ее основателей, порицания и наставления на путь истинный тех поселенцев, которые забыли о «религиозном замысле своих отцов». «Истории» К. Мэзера предстояло стать напоминанием о необходимости полного исправления церкви.

Дж. Хиггинсон не обошел стороной и отношения с метрополией: он уподобил Новую Англию «маленькой дочери», разлученной с «матерью» по воле некоторых своих «злых братьев». «*Magnalia Christi Americana*» должны были способствовать воссоединению «семейства». Кроме того, изложение истинного положения вещей должно было воспрепятствовать неверному восприятию колонии соотечественниками за океаном [8, с. 10-11]. Сочинение К. Мэзера, как и труд У. Хаббарда, должно было оправдать предыдущую историю Новой Англии: утверждалось, что она была результатом «Божьего промысла», а начатый за несколько десятилетий до этого процесс очищения христианской церкви требовал продолжения как в Новом, так и в Старом Свете. В то же время прошлое и настоящее колонии связывалось с Англией, на сохране-

ние «родственных» отношений с которой рассчитывали руководители Массачусетса.

К. Мэзер не только сосредоточился на религиозной истории, но поставил религию в центр описываемой картины мира. По его словам, «церковь, в которой представлено служение Богу, более ценна, чем мир, который на самом деле был сотворен для пользы церкви» [11, с. 26]. Это выразилось в описании отношения к Англии через отношение к англиканской церкви. Сепаратисты и неконформисты в интерпретации К. Мэзера стали жертвами злого умысла некоторых своих «собратьев», но сохранили верность официальной религии и желали только, чтобы она избавилась от ненужных излишеств. Следовательно, именно они являются истинными сынами церкви, а не те, кто называл их раскольниками, развязывая при этом на родине гражданскую войну [11, с. 69-71].

Рассмотрение истории Новой Англии в связи с продолжающейся историей Реформации, возможно, являлось одним из способов легитимации существования пуританских колоний. Другим способом было определение их роли в рамках нынешнего английского государства. Как и У. Хаббард, К. Мэзер утверждал, что заключение соглашения на «Мэйфлауэре», положившее начало самоуправлению в Новой Англии, было вынужденной мерой и не противоречило ни английским законам, ни королевскому патенту. Однако высадка пилигримов на землях, не закрепленных за ними королевским пожалованием, которая и потребовала заключения соглашения, стала результатом вмешательства высших сил, а значит, была оправдана заранее [11, с. 50]. Автор указывал на то, что его родная колония и ее ближайшие соседи «более остальных могут претендовать на то, чтобы считаться истинно английскими» [11, с. 43]. К. Мэзер описывал взаимовыгодное сотрудничество колонистов и правительства метрополии: «расширяя владения [Англии – А.Б.] они смогут рассчитывать на защиту английской короны, чтобы впредь никогда не подвергаться преследованиям со стороны какой-либо части своих соотечественников» [11, с. 49-50].

Сильный религиозный акцент в «*Magnalia Christi Americana*», возможно, был связан с ликвидацией теократических режимов: если на рубеже 1670–1680 гг. пуританские лидеры пытались отстоять право колоний на автономию и декларировали политическую лояльность английской короне, то вследствие угрозы политическому влиянию конгрегаций встал вопрос о сохранении авторитета церкви. Тем не менее взгляды К. Мэзера перекликались с позицией У. Хаббарда: Новая Англия является неотделимой частью Англии, духовная жизнь ее общества основана на европейской Реформации и связана с жизнью англиканской церк-

ви, следующей тем же путем. Все сложности в отношениях колоний и метрополии происходили по вине отдельных лиц, руководствовавшихся в своих действиях корыстными побуждениями. Такая трактовка делала особенно заметной добродетель пуритан, движимых стремлением к распространению истинной христианской веры, что дает им право считаться хотя и «наиболее английским», но особенным сообществом, расположившимся на границе империи.

Спустя почти 35 лет после выхода сочинения К. Мэзера в Бостоне был опубликован первый том «Хронологической истории Новой Англии в форме анналов» (1736). Его автор, преподобный Томас Принс, собирался довести повествование до 1730 г., но выполнить задуманное не смог. Первая часть, включившая события до 1630 г., была позднее дополнена несколькими главами, завершающимися в 1633 г.

Свою работу автор посвятил назначенному в 1730 г. губернатором колонии Джонатану Белчеру, его заместителю Спенсеру Фипсу, совету и палате представителей Массачусетса. С помощью подробного изложения истории Новой Англии Т. Принс собирался воздать хвалу основателям колонии, а также напомнить их потомкам, нынешним руководителям Массачусетса, о тех доблестях, которые позволили жителям провинции привести её к процветанию, а также о гражданской и религиозной свободе, которую необходимо было сохранить для следующих поколений [13, с. 5]. Целью историка также было исправить неточности предыдущих сочинений и изложить события в строгой последовательности, форме, которая казалось ему наиболее удачной, но ранее не использовавшейся [13].

Возможно, одним из мотивов было и стремление описать историю колонии в свете политических перемен в Англии. У. Хаббард создавал «Общую историю» в годы правления династии Стюартов, К. Мэзер – в период, когда взаимоотношения властей колонии и метрополии еще окончательно не определились. Оба они достаточно сдержанно отзывались о политической жизни Англии начала XVII в., пытаясь подчеркнуть верность Массачусетса короне. Т. Принс высказывал лояльность «прославленной» Ганноверской династии и первому ее «счастливно вступившему на престол» представителю Георгу I. Это позволило ему заявить, что Новая Англия заселялась во времена «тирании, как в церкви, так и в государстве». Следует отметить, что подобные идеи высказывались в то время и в метрополии: историк Даниэл Нил описал в своем сочинении печальное положение сторонников Реформации в годы правления Елизаветы I и Якова I, возлагая ответственность за это на монархов и их приближенных [12, с. 47-71].

Рассказ о создании первых постоянных поселений в Новом Свете Т. Принс вел параллельно с повествованием о политических и религиозных распрях в Англии. Главным объектом критики стал сам Яков I, последовательно ограничивавший свободу вероисповедания. Автор даже предположил, что король, выросший среди протестантов, сам не стал протестантом и симпатизировал католикам [13, с. 114-116]. То, что он даровал протестантам возможность жить в отдаленных владениях, видимо, объяснялось фразой, произнесенной монархом (по слухам) в начале правления: «Я заставляю их подчиниться, или скорее покинуть эту землю» [13, с. 105]. Правительству, таким образом, было выгодно дать недовольным сбежать.

Т. Принс выказывал прежним властям метрополии гораздо меньше симпатии, их заслуга в становлении пуританских колоний, по его мнению, была минимальной. Основатели Нового Плимута в 1620 г. оказались на чужих землях, окруженных дикарями и французами, на расстоянии 500 миль от ближайших английских владений. Помощи с родины ждать не приходилось, королевское правительство было занято преследованием оставшихся в Англии сепаратистов и других сторонников истинной веры [13, с. 179-180]. Пилигримы вынуждены были полагаться только на проведение и самих себя. Это, а также присутствие «чужаков», присоединившихся в Лондоне, заставило их создать «политический организм», заключив соглашение на «Мэйфлауэре» [13, с. 173].

Описывая времена правления Стюартов в мрачных тонах, Т. Принс, однако, не посягал на прерогативу английской монархии как таковую. Проблему противоречия между привилегиями местных властей Массачусетса и действием на его территории английского законодательства автор, например, не затронул. Очевидно, после вступления в силу в 1692 г. новой хартии провинции эта проблема перестала быть актуальной. Также изменились и представления о взаимоотношениях колонии и правительства Великобритании. Американский исследователь Филипп Хаффенден утверждает, что еще в первые два десятилетия после издания новой хартии политические лидеры Массачусетса пытались отстоять «особое положение» провинции. Но уже к 1710-м гг. стало очевидно, что Новая Англия, с одной стороны, не может претендовать на такое положение в империи, а с другой, не может существовать в непосредственной близости от Французской Канады без поддержки и защиты центральных властей [7, с. 279-280]. В изменившихся обстоятельствах сочинение Т. Принса органично «встраивало» историю Новой Англии в историю Великобритании, делая связь между колонией и метрополией только прочнее.

Необходимо отметить также, что Т. Принс включил в книгу обширное введение, представляющее хронологию человечества «от сотворения мира». Автор пытался вписать историю Новой Англии в контекст всемирной истории.

Обществу Виргинии также было присуще ощущение «особости», но оно существовало на других основаниях: религиозные идеи играли в нем меньшую роль, на передний план выдвигались многолетняя верность монархии, «английскость» формирующейся аристократии. К концу XVII в., как утверждают некоторые исследователи, в сознании виргинцев появилось «чувство корней», зарождалось ощущение «преданности новым землям как отечеству» [3, с. 181], но оно не противоречило преданности британскому государству. Известный памфлет «Очерк об управлении английскими плантациями на американском континенте» хотя и был подписан псевдонимом «Американец», выражал идею более прочных, формализованных и унифицированных отношений между центральным правительством и английскими владениями в Северной Америке, а также колоний друг с другом [4, с. 38-53]. Критика была сосредоточена на жадности губернаторов и собственников, коррумпированности и некомпетентности чиновников, дурных нравах части жителей и отсутствии четких законов [4, с. 23-37]. Необычная подпись, в которой можно усмотреть первые проявления «национализма», скорее объясняется желанием показать заинтересованность данной части английского общества в эффективной работе местной администрации.

Предполагаемый создатель этого памфлета Роберт Беверли являлся также автором книги «История и нынешнее состояние Виргинии», опубликованной в 1705 г. в Лондоне. Р. Беверли дал прошлому и настоящему «Старого Доминиона» критическую оценку. Высшей ценностью для автора было процветание колонии. Руководители же Виргинской компании, а вслед за ними и поселенцы, думали не об обустройстве жизни в поселениях, а о скорейшем получении прибыли с помощью выращивания табака, скупки меха у индейцев и добычи золота, которого на этих землях не оказалось [5, с. 12-17]. Дурные нравы виргинцев дополнялись скромными способностями их лидеров: за первые 20 лет ни избранные советом президенты, ни назначенные из Лондона губернаторы не смогли организовать управление колонией.

На протяжении столетнего существования Виргинии положение дел в ней редко соответствовало идеалу, каким его видел Р. Беверли. Он считал, что в колониях должна быть единая администрация, но она не сложилась и после введения в 1626 г. королевского правления. Сначала у границ Виргинии появилось владение лорда Балтимора, Мэриленд,

и «страна, которую природа так хорошо приспособила для управления одним правительством, оказалось под властью двух» [5, с. 49], затем Карл II начал раздавать земли в собственность своим сторонникам, еще более усложняя отношения между колониями [5, с. 66-67]. Р. Беверли видел залог их процветания в совместной работе губернатора, его совета и ассамблеи колонии [5, с. 37]. Но в «Истории» пересказываются многочисленные конфликты между органами власти. На смену некомпетентным губернаторам пришли чиновники, «путавшие благо страны со своими частными интересами» [5, с. 80].

Периодические раздоры в правящих кругах Виргинии усиливали роль королевского правительства и монарха лично. Р. Беверли отмечал заслуги Якова I и его наследников в деле основания и становления колонии, не посягал на права короны, объясняя большую часть возникавших проблем действиями губернаторов. Назначенные королем «плохие» губернаторы через некоторое время менялись им же на «хороших». Однако и фигура короля не была «неприкосновенной» для автора. Если Карл I ликвидировал Виргинскую компанию, чем спас колонию от разорения и гибели, то Карл II лишь подтвердил прежнюю хартию и во время коронации облачился в мантию из виргинского шелка, что, по мнению Р. Беверли, было недостаточной платой за верность ему и его отцу, проявленной в годы Гражданской войны и Протектората. Более того, при Карле II парламент подтвердил введенный Кромвелем навигационный акт и установил новые ограничения для торговли колонии. В то же время от воцарившейся четы Вильгельма III и Марии II Р. Беверли ждал разумного и полезного для колонии и всего государства управления.

Критику, мишенью которой становилась в основном местная администрация и лишь отчасти – центральное правительство, трудно назвать хоть сколько-нибудь «антианглийской», тем более что все хорошее в прошлом колонии и исправление сложившейся ситуации в будущем Р. Беверли в значительной степени связывал с властями метрополии. Скорее речь здесь идет о желании виргинцев распространить на себя «права и свободы» англичан, в числе которых было и право на справедливое управление.

С еще большим скепсисом описывал прошлое современник Р. Беверли Уильям Бирд. Опубликованную только в середине XIX в. «Историю разделительной черты», повествующую о попытке установить в 1728 г. четкую границу между Виргинией и Северной Каролиной, он предварил небольшим, но очень показательным очерком заселения западного побережья Атлантики англичанами. Рост английских владе-

ний в Северной Америке описан им как «отрезание» новых колоний от Виргинии. На протяжении более чем ста лет эти земли «раздаривались царствующими предшественниками Его Величества» Георга II. Из-за недальновидной политики Лондона на английские владения посягали французы, испанцы, голландцы и шведы. Население колоний увеличивалось за счет нонконформистов, католиков и квакеров. У. Бирд не проявляет никакого пиетета в отношении покойных монархов, называя, в частности, Карла II «добрым другом и союзником» французов и «папским князем» [6, с. 1-7].

В сочинении У. Бирда нет и намека на какой-то замысел в управлении колониями. Их судьба определяется чередой произвольных решений английских монархов. Однако следует заметить, что У. Бирд был прочно связан с лондонским высшим светом и значительную часть жизни прожил в Англии, к которой испытывал глубокую личную привязанность. Его взгляды не выходили за границы критики отдельных черт политики правительства. Возможно, как и Р. Беверли, он старался по-своему показать издержки в управлении колониями.

В конце XVII–начале XVIII вв. население Новой Англии, как и жители Виргинии, несмотря на смену поколений, продолжали воспринимать себя частью английского общества. В условиях изменяющихся отношений между метрополией и колониями перед формирующейся интеллектуальной элитой Северной Америки встала задача легитимировать нынешнее положение дел. В обеих старейших провинциях легитимация происходила с помощью обращения к прошлому, ко времени создания первых поселений, однако шла различными путями. Массачусетские пуритане XVII в. не вырывали свою историю из европейского контекста, но противопоставляли развитие своей территории развитию других английских колоний и государств Старого Света. Тем не менее, имея противоречивое отношение к англиканской церкви, монархии Стюартов и влиянию Лондона на жизнь Массачусетса, его лидеры декларировали верность королю, правительству и официальной церкви, когда хартия колонии была под угрозой и когда отношения с метрополией выстраивались на новых началах, не удовлетворивших полностью их ожидания. Такое поведение можно объяснить как политической гибкостью пуритан, так и их представлением о роли сверхъестественного в собственной истории: опыт показывал, что любые недостатки земных правителей могли быть исправлены вмешательством высших сил, что особенно заметно в труде К. Мэзера. После крушения теократии в Новой Англии отказались от религиозной риторики, место «прав, дарованных Богом», заняли «права английских подданных» [6, с. 111-

113]. Но и в XVIII в. духовные и интеллектуальные лидеры видели историю провинции как часть не только истории Англии, но истории всего человечества, что придавало положению колонии дополнительную уютчивость.

Взгляд виргинцев на свою историю был лишен метафизической глубины, свойственной пуританам. В том числе это было связано с тем, что Р. Беверли и У. Бирд обращались к историческому сочинению как к форме описания нынешнего, по их мнению, неудовлетворительного, положения колонии. Следуя этим путем, они гораздо чаще, чем пуритане, прибегали к критике местных и центральных властей и скептическим высказываниям, которые могли показаться неосторожными. Однако они не ставили под сомнение статус Виргинии как части Британского государства. Критика исходила от виргинцев как от представителей английского общества, наделенных теми же правами и свободами, что и их соотечественники за океаном. Таким образом, лидеры Виргинии лишь подтверждали свою преданность Великобритании и близость к ней.

Литература:

1. *Гальцин Д.Д.* Liberties в Массачусетсе 1661–1691 годов. Диалог колонии и метрополии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 26. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 94–114.
2. История литературы США. Том 1. Литература колониального периода и эпоха Войны за независимость XVII–XVIII вв. – М.: Наследие, 1997. – 829 с.
3. Литературная история США. Том 1 / Под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. – М., Прогресс, 1977. – 602 с.
4. *An Essay Upon the Government of the English Plantations on the Continent of America.* – London: Printed for Richard Parker, 1701. – 86 p.
5. *Beverly R.* The History and Present State of Virginia, In Four Parts. Part I. – London: Printed for R. Parker, 1705. – 103 p.
6. *Byrd W.* History of the Dividing Line Run in the Year 1728 // Byrd W. The Westover Manuscripts. – Petersburg: Printed by Edmund and Julian C. Ruffin, 1841. – P. 1–94.
7. *Haffenden P.S.* New England and the English Nation, 1689–1713. – Oxford: Clarendon Press, 1974. – 326 p.
8. *Higginson J.* An Attestation to this Church History of New England // Mather C. Magnalia Christi Americana, or The Ecclesiastical History of New England. Vol. 1. – Hartford: Roberts and Burn, Printers. 1820. – P. 7–13.
9. *Holmes A., McKean J.* Prefatory Notice // Hubbard W. A General History of New England From the Discovery to MDCLXXX. – Boston, Charles C. Little and James Brown, 1848.
10. *Hubbard W.* A General History of New England From the Discovery to MDCLXXX. – Boston: Charles C. Little and James Brown, 1848. – 768 p.

11. *Mather C.* Magnalia Christi Americana, or The Ecclesiastical History of New England. Vol. 1. – Hartford: Roberts and Burn, Printers. 1820. – 573 p.

12. *Neal D.* The History of New England. Vol. 1. – London: Printed for J. Clark, R. Ford and R. Cruttenden, 1720. – 330 p.

13. *Prince T.* A Chronological History of New England in the Form of Annals. – Boston: Cumings, Hilliard and Company, 1826. – 439 p.